

Андрей Бешлык

Перед грозой так пахнут розы

18+

Андрей Бешлык

Перед грозой так пахнут розы

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Бешлык А.

Перед грозой так пахнут розы / А. Бешлык — «ЛитРес:
Самиздат», 2014

На тридцать третьем году жизни Андрей мог бы с чистой совестью сказать: "Жизнь удалась". Руководящая должность в головном офисе престижной компании в Киеве, тёплые семейные отношения с родителями, оставшимися в Луганске. И наконец, любящая его всей душой красавица-невеста. У них не было только одного - будущего. Приближался четырнадцатый год.

*Мы не выбирали ни страну, где родимся,
ни народ, в котором родимся,
ни время, в котором родимся,
но выбираем одно:
быть людьми или нелюдями.*

Павел, патриарх Сербский.

Пролог. 37 танков или начнём с конца.

Я не военный, не политик и даже не журналист. Я – сервисный инженер. Но даже это громко сказано. Фактически, я кабельщик и занимаюсь монтажом.

На планёрке сегодня утром шеф приказал пулей лететь 130 километров из миллионного Ростова в посёлок Тарасовский, не примечательный ничем, кроме того, что на трассе М4 «Дон» там расположена любимая чебуречная дальнбойщиков.

Такое бывает, когда клиент платит за срочность. Но в это утро понедельника произошёл исключительный случай, когда наш прижимистый директор согласился устроить нам аврал совершенно бесплатно.

Как нам рассказал по дороге водитель Серёга, что всегда в курсе всех офисных сплетен, в два часа пополудни там должны были состояться похороны полевого командира Луганского ополчения. Он умер в субботу от ран в местной районной больнице.

Когда мы приехали на кладбище, народу было уже полно. Телевидение, журналисты там всякие, казаки, естественно примазавшиеся, чтобы не упустить случая помитинговать в поддержку повстанцев. Кто угодно, кроме ожидаемых там родственников умершего.

Я в пожарном порядке протянул акустический кабель, чтобы успеть вовремя, но понервничать всё же пришлось, когда к половине второго пошёл второй час безуспешных попыток настроить аппаратуру и заставить музыку звучать чисто. Тренировался я на песне «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг», и со стороны могло показаться, будто бы я ставлю любимую песню по собственной инициативе.

Что наверно и подумала маленькая седая старушка в чёрном, что незаметно вышла ко мне из толпы. Я уже переживал за дело не на шутку и хотел прикрикнуть на внезапную помеху, отвлекающую от работы, но внезапно понял, кто передо мной стоит.

Это была единственная родственница погибшего, сумевшая выбраться на похороны, чтобы в последний раз с родным сыном повидаться.

Она настойчиво совала ко мне в руку флешку с каким-то очень важным содержимым, а каким именно, узнать было невозможно, потому что её голос то и дело сбивался от рыданий и переходил на невнятный суржик, непонятный ни русским, ни украинцам, ни даже казакам.

Я попытался было объяснить, что я не представитель прессы, но это было безнадежно. Она всучивала мне этот злосчастный носитель, настаивая на том, что обнародовать его в СМИ – последняя воля умершего.

Мне было крайне тяжело спорить с убитой горем матерью, и я сунул флешку в карман, чтобы при первой же возможности передать одному из многочисленных журналистов.

Однако наша бригада заработалась конкретно, и о флешке забыли.

Вспомнил я о ней только дома, когда выворачивал карманы рубы, чтобы бросить её в стиральную машину.

Мне стало жутко стыдно перед пожилой украинкой и перед собственной совестью. Я был готов немедленно вызвать такси и мчаться по тёмным улицам Ростова до первого попавшегося офиса информационного агентства, где сотрудники работают ночью.

Но любопытство пересилило.

Мне вспомнилась последняя реплика матери погибшего офицера:

– Це матеріал до трибуналу, щоб судиті київську хунту. Вбивці!

А также вспомнился рассказ выступавшего на митинге казачьего атамана о последнем подвиге похороненного, который заставил меня подумать, будто бы я попал на съёмки фильма об Отечественной Войне.

Забегая вперёд, скажу, что на следующий день я передал эту флешку тому самому казачьему атаману, которого знал по клубу исторических реконструкторов, так что моя совесть чиста.

Там была автобиография умершего. Прямо как в шпионских боевиках: «Если вы читаете это, то меня уже нет». Правда, этой фразы в тексте не было. Я снял с него копию на случай, если атаман проявит славянское разгильдяйство и профукает единственный экземпляр мемуаров офицера.

Но перед тем, как присоединить к этому введению собственно текст воспоминаний, я считаю своим долгом пересказать по памяти рассказ атамана – такие события должны остаться в памяти потомков.

* * *

Андрей Соколов, более известный по партийной кличке «лейтенант Рамирес», по праву снискал славу самого дерзкого полевого командира Луганской Народной Республики. Со взводом таких же отчаянных парней он ходил в атаки на самых безнадёжных участках фронта, где казалось бы победить невозможно. Но победы он одерживал. Благодаря таким, как он, июльское наступление украинской армии захлебнулось.

Но в первый день августа нацгвардия снова предприняла попытку начать наступление, вклинившись между железнодорожными станциями Дебальцево и Алчевск. Ополченцы были вынуждены отступить, и отряд Рамиреса остался на мосту через железную дорогу прикрывать их отход.

Украинцы пустили через узкий мост армаду, а у ополченцев закончились боеприпасы. Тогда Рамирес последним приказом вызвал огонь артиллерии ополчения на себя. А сам взял противотанковую гранату, пропустил передний танк почти до конца моста и почти в упор метнул гранату под танк. После чего сам рухнул от взрыва как подкошенный.

Но дело было сделано – танк развернуло поперёк моста, и образовалась пробка. Тридцать семь танков ополченцы расстреляли из пушек, а задние смогли удрать.

Когда стемнело достаточно, чтобы территорию не было видно в прицелы, сослуживцы Рамиреса пробрались к мосту, чтобы предать земле тело героя с воинскими почестями. И обнаружили его без руки, без сознания, но живым. Всё остальное тело было цело. Точнее, относительно цело – пробито осколками гранаты, как решето, но хотя бы не разорвано на куски.

Его погрузили на УАЗик и отправили в Россию. Он даже доехал живым в тряском внедорожнике до тарасовской больницы. К середине дня пришёл в сознание и прошамкал сломанной челюстью:

– Приведите ко мне православного священника.

Батюшка причастил раненого, по капле вливая Кровь Христову промеж челюстей, что не могли жевать Тело Христово.

С его лица исчезла гримаса адской боли, и к вечеру он мирно скончался.

* * *

После того, как я услышал рассказ атамана и прочёл автобиографию погибшего ополченца на одном дыхании, меня посетило сильнейшее желание самому записаться добровольцем в Народное Ополчение Донбасса. Но я, как на грех, набрал долгов на четыре месячных оклада, которые, если я уволюсь с работы, лягут непосильным бременем на членов моей семьи. Поэтому придётся работать и зарабатывать по эту сторону границы.

Но я могу принять участие в войне информационной и поведать как можно большему количеству людей о том, как мирный украинский гражданин стал повстанческим полевым командиром.

На этом, пожалуй, стоит прекратить мои собственные слова и начать воспоминания самого героя, как он дошёл до жизни такой.

Тем более что я никакой не писатель, а автор последующих строк имел до войны хотя бы любительский литературный опыт.

А ещё было бы неразумно расширять до бесконечности предисловие в ущерб самому повествованию.

Автобиография Андрея Соколова, он же лейтенант Рамирес.

Mama put my guns in the ground

I can't shoot them anymore

That cold black cloud is comin' down

Feels like I'm knockin' on heaven's door¹

Guns N' Roses

Глава 1. Тьма сгущается.

С чего начинаются мемуары? Особенно написанные наспех на коленях. Я часто встречал у разных писателей романы, где сюжет начинается из середины. Пожалуй, последую их примеру.

* * *

События на Майдане только начались, а наш коллектив уже ощутил на себе их смертоносное дыхание.

Пришлось отказаться от трёх престижных ресторанов в центре Киева, где было неспокойно, и выбрать для новогоднего корпоратива заведение почти что на окраине.

Но нет худа без добра. Вместо уныло-пафосных ресторанов с претензиями на гламурную элитность, наш хозяин выбрал дискотечный клуб, где тусуется неформальная молодёжь. Себя я тогда тоже к ней относил, но в том клубе побывать руки не доходили. Я всего около полугода жил в Киеве, ехать туда не ближний свет, и к тому же с пересадкой между метро и автобусом, так как перед дискотекой, как правило, оставляют машину у дома.

Но это всё лирика. Вернёмся в 27 декабря 13 года, когда мы с коллегами переступили порог клуба, где было граффити с Джимми Хендриксом на стене у туалета.

Клуб был не очень большим, и обойти его много времени не заняло. Правда, опять же, приехали позже, чем планировалось. Из-за перекрытых дорог в центре, пришлось толкаться на узких объездных улицах и стоять в пробках, вызванных мокрым снегом. Зато с работы

нас отпустили на пару часов раньше, так что времени всё равно оставался вагон. И для того, чтобы осмотреться, и для того, чтобы своими силами настроить аудио-видео аппаратуру, и даже для того, чтобы сбегать в магазин за отсутствующими у местного техника кабелями и переходниками. В столице государства, в отличие от провинции, проблем с IT-товарами не было.

И теперь я терпеливо ждал (ладно, не совсем терпеливо) одну замечательную особу, которой, в отличие от меня, вход был не бесплатный, а из моего кармана.

Вообще-то, на закрытый корпоратив пускали за дополнительную плату только членов семей сотрудников, но наше с ней намерение создать семью уже давно в обоих наших коллективах превратилось в секрет Полишинеля.

Но это я забегаю вперёд.

А в данный момент, пока мои сотрудники подогревались после улицы, дорвавшись до халявного «Джека Дэниелса», я не принимая участия в общем веселье, забрался в угол и играл в шахматы на айпаде. За игрой с интересом наблюдал наш пиар-менеджер, что в шахматы играть не умел, но желал сойти за умного. Чтобы он хоть как-то понимал суть происходящего, я сопровождал ходы комментариями:

– Пешку вперёд... Конь выходит из игры... А теперь ходим ладьёй с первой на последнюю горизонталь и... шах!... Ой, мат. Ладья поставила мат, значит я выиграл. Ха-ха, выиграл!

Тут по противоположную сторону от пиар-менеджера послышался короткий смешок и нежное:

– Мой победитель.

Я удивился, что Наташа добралась так быстро. И так незаметно оказалась рядом со мной. Впрочем, когда я играю в шахматы, я не замечаю даже директора, застающего меня за этим занятием в кабинете.

Мы хотели перекинуться парой слов (как будто не наговорились за время, что крутили амур), но тут грянула панк-музыка. Ди-джем на этой вечеринке был мой хороший друг и товарищ Антон, и поэтому я не сомневался, что репертуар нам с Наташей понравится. Правда, он, как и большинство ди-джеев, не знал меры в громкости, посему общаться прямо на танцполе было проблематично.

Мы пошли в боковую комнату, где девушки из бухгалтерии и отдела кадров совместно с сотрудницами клуба уже нарезали кушанья на фуршет, Но едва успели выпить по бокалу шампанского и закусить по бутерброду с икрой, как раздался голос Антона, призывавшего всех в микрофон заслушать речи руководства.

Я, как начальник отдела, и так знал, с какими цифрами фирма пришла к итогам года, а приглашённые гости слушали с интересом, в частности Наталья.

А вот темы, что была действительно актуальна для всех, эти самые все как можно тщательнее старались избегать. В последний месяц в коллективе действовала негласная договорённость – о политической ситуации, либо ничего, либо... ничего. В нашем коллективе работала довольно пёстрая толпа из всех регионов самостийной. Луганские степняки, вроде меня, львівські щіри українці, крымчане, что на державної мові «ни бе, ни ме, ни кукареку», юморные пофигисты из Одессы и т. д.

Больше всех пытались разводить политический троллинг коренные киевляне. Но генеральный (которого большинство за это называли гениальным), пригрозил тех, кого увидит в репортажах с Майдана, немедленно уволить, а за драки в столовой по политическим причинам лично сдать в милицию.

Официальная часть оказалась не слишком длинной – мы даже не успели задремать. И пока на Майдане поедали любезно предоставленные американскими эмиссарами печеньки с метамфетамином, мы праздновали наступающий год тривиально, начав с разной степенью интенсивности выпивать-закусывать.

А музыка звучала.

Но, несмотря на обилие вкусов, как пищевых, так и музыкальных, скрыть охватывавшее нас чувство тревоги было невозможно. Оно было почти физически осязаемо в воздухе. Казалось, кинь оголённый электрический провод, и он начнёт сыпать молниями.

Антон понимал ситуацию, и в его репертуаре не было групп, проявивших себя в политике (таких, как «Океан Эльзы»). В основном, он подобрал олдскульных исполнителей англоязычного рока (и немного диско 80-х).

Точнее, в выборе репертуара на корпоратив демократично участвовал весь коллектив. Я вписал 27 желаемых песен, а кто-то и 72, так что исполнить их все было физически невозможно. Мне даже нравилась такая лотерея – то ли мои песни прозвучат, то ли Лёхи Копытько, то ли Алины Мироновой.

Впрочем, большинство песен, которые не мои, мне тоже нравились. Мы с Наткой неплохо порезвились под кавер Ричи Блэкмора на «Оду радости» Бетховена. Вполне себе новогодняя тема – кто ж не хочет, чтобы следующий год был счастливым?

И какая же новогодняя вечеринка обходится без ставшей классикой песни группы ABBA “Happy new year”?

Песня отличная – что медленная мелодичная музыка, что слова о мире, любви и ожидании от грядущего десятилетия невиданных чудес для всего человечества.

Но в данной обстановке она так резко диссонировала с реальностью, что возымела обратный эффект. Движения танцующих пар выглядели явно скованными, а Наташка так вжалась в меня, что казалось, будто бы хочет переломить мне рёбра.

Дальше был вообще атас – Антоха додумался поставить композицию Джона Фогерти “Have you ever seen the rain”.

Моя умничка знала английский, и её глаза наливались слезами, глядя как дёргаются те, кто слов песни не знает. Весь сюжет этих строк о том, что если где-то затишье, то вскоре грянет буря. Эти стихи, помноженные на женскую интуицию, произвели на неё такое впечатление, что я тут же понял – необходимо адекватно успокоить её эмоциональную натуру, чтобы она не нарушила негласный запрет нашего шефа и не начала кричать о текущей ситуации прямо здесь и сейчас.

Я сделал вид, что отошёл по нужде, а сам достал телефон и прокричал Антону, чтобы он услышал сквозь громкие звуки:

– Чувак, давай нашу, нечеловеческую!

У нас была заранее договорённость, что я сделаю сюрприз невесте, попросив у него незаметно песню, любимую нами обоими, но я не обозначал, когда её ставить, попросив ди-джея подождать моего сигнала.

– ОК, у тебя 20 секунд, – спокойно ответил он, давая мне время вернуться обратно в зал.

Я резко тряхнул Наталью, чтоб привести её в чувства, и медленно повёл её по залу в такт ритма, сочетающего вальс с рок-н-роллом. Вот эти слова нам были точно актуальны. И понятны всем, потому что на русском:

Вновь ждёт Новый Год, что же будет у нас с ней...

Нам всем есть чем и гордится и скорбеть.

Пусть так, еще шаг, как легко с тобой лететь...

Танцевали пузырьки в твоём бокале,

Нам с тобою обещали целый год счастливых дней,

Вспоминали, как Битлов тебе играли,

Тот секрет мы разгадали, твоя рука в руке моей.

И к тому же, лидер группы написал её в честь своей жены, и заказ именно этого хита был прозрачным намёком Наташе на мои намерения узаконить наши отношения, о чём она и так догадывалась.

Девушка оттаивала на глазах.

Вечеринка пошла своим чередом.

Напитки и закуски подходили к концу, народ потихоньку разъезжался по домам. Я же оставался до конца, чтобы помочь Антону демонтировать нашу часть оборудования. Наталья не возражала.

Но я был бы не я, если бы не блеснул перед ней ещё одним сюрпризом.

Одной из последних песен была та, что звучала в день нашего первого знакомства. Это был ещё один намёк на предложение, что я пока не озвучивал в явном виде.

Раньше я был не прочь так напиться, чтобы выползть с вечеринки на первой скорости, то есть на четвереньках.

Но после того как появилась невеста, остепенился и поэтому всё отлично помню.

Помню и то, как мы поймали бомбилу и поехали по домам на такси.

И то, как какой-то идиот кинул бутербродом в движущееся авто, выкрикивая антиправительственные фразы – ему, видите ли, не понравились номера Донецкой области – родины Януковича.

Этот ляп по стеклу не на шутку напугал водителя, но ещё сильнее напугал Натку.

А ведь я именно в ту секунду хотел сделать ей предложение.

В результате, предложение состоялось только через три недели.

* * *

Мы оба давно хотели попробовать окунуться в прорубь на Крещение, но побаивались. А тут мы вместе, и пасовать друг перед другом как-то стыдно. В общем, вечером 18 января мы были на берегу Днепра. Проруби не было, по причине отсутствия льда, но пара градусов тепла и почти штормовой ветер – тоже экстремально. Если не сказать стрёмно. В одиночку мне бы и было стрёмно, но перед любимым человеком – экстремально.

Тем более, возглавлял сие священнодействие отец Илия – тот, у которого я предпочитаю исповедоваться, и тот, кто несколько дней назад попытался разнять противостояние на Майдане, встав с группой печерских монахов между противоборствующими сторонами. Правда, ни политиканы, ни менты не впечатлились иконами и хоругвями, и батюшкам пришлось разойтись ни с чем.

У меня был ещё один знакомый священник в Киеве – обычный приходской иерей отец Виктор или просто двоюродный брат Витёк, как я называл его до рукоположения. Он окунал благочестивую паству выше по течению в маленьком пригороде Киева Червонохрамске. Я колебался, ехать в пригород или окунаться в городе. Но поступок, нет с большой буквы Поступок иеромонаха Илии, вышедшего с миротворческой миссией на Майдан, сделали его популярным среди православной общины, что подтолкнуло меня к сделанному выбору. И к тому же, Наталье было удобнее добираться до дома из городской черты, а мне хотелось сделать это с ней вместе.

Отслужив молебен, отец Илия, несмотря на посты весивший более ста килограмм, всей своей богатырской плотью бухнулся в ледяную воду, подняв тучи брызг. Сразу же повалили и миряне.

Пришлось и нам с Наткой пойти в палатки переодеться, то есть раздеться, и, взявшись за руки, шагнуть в неласковый Днепр.

Когда всё было кончено, мы, закутавшись снова в тёплую одежду, наблюдали за остальными, одной рукой попивая горячий кофе из термоса, а другой держась друг за друга.

– Тот секрет мы разгадали, твоя рука в руке моей, – процитировала она по памяти песню, больше всего понравившуюся на новогодней вечеринке.

– Говорят, пережитые вместе экстремальные ситуации сближают, – ответил я по-философски.

– На что это ты намекаешь? – спросила она с напускным любопытством. Хотя, на самом деле, с её-то интеллектом, конечно же, всё поняла. Только хотела услышать это открытым текстом от возлюбленного.

– На то, что нам пора стать самыми близкими друг другу людьми – мужем и женой.

Темпераментная девица завизжала от счастья, заставив обернуться многочисленных зевак.

В понедельник, одновременно отпросившись с работы, мы поехали подавать заявление в ЗАГС.

Сначала нам предложили вторую половину марта из-за огромных очередей, но я дал на лапу, чтобы свадьба состоялась не позже конца февраля. Мы оба не сомневались, что никто из нас не сбежит за лишний месяц, но хотели попасть до Великого поста, чтобы совместить в один день гражданскую регистрацию и венчание.

Когда мы уже закончили улаживать формальности, мой слух уловил, как одна из работавших в ЗАГСе тёток шепнула другой:

– В последние дни ажиотаж бешеный. Девки не хотят умирать незамужними.

Наташа, к счастью, пропустила эту реплику мимо ушей.

* * *

А теперь самое время передохнуть и продумать, что по плану описывать дальше.

Уже сейчас мне ясно, что моя история была бы неполной без экскурса в давние времена, когда я был моложе, и донецкие абрикосы слаще, и Чёрное море теплей.

Вопрос, насколько давние события затрагивать, ибо времени на творчество далеко не куча.

Нет, всё-таки надо показать все события, что так или иначе привели меня к тому, к чему я пришёл.

Начнём с седой старины.

Глава 2. Начало.

Мой дом был на самом краю райцентра Лутугино, неподалёку от городского кладбища.

Там получил квартиру на исходе эпохи застоя мой отец, за ударный труд на единственном в городке заводе, одном из крупнейших на Украине, да и во всём СССР, пожалуй.

Закончив Луганский Машиностроительный Институт, отправился на завод и я.

То есть, по происхождению я провинциал в полном смысле этого слова. Из маленького города, да ещё и с глухой окраины. В школу приходилось ходить, пересекая весь город по диагонали, к памятнику его основателю, профессору Лутугину.

Первые четыре класса учился в советской школе по-русски и даже побывал пионером, ровно в последний набор успел.

А потом на державну мову пришлось перейти. Впрочем, её в Луганской области не знал почти никто. Даже учителя по этому предмету. В основном практиковали суржик, который был родным для большинства жителей города, включая меня, так что я уверенно получал пятёрки, особо не напрягаясь.

А вообще, любую училку украинского заткнула бы за пояс моя мать – уж она-то типичная украинка, в Славяносербске таких побольше, чем на юге области, откуда папа родом.

Они познакомились на танцульках в общаге Луганского (тогда Ворошиловградского) Машиностроительного Института, где позже учился и я. Папа даже помнил, что во время их первого танца институтский ВИА играл Битлов, запрещённых под страхом исключения из комсомола.

И этот танец будущего инженера с красивой девушкой принёс вполне ожидаемый результат, который сейчас пишет эти строки.

Может быть, именно поэтому я и люблю рок-н-ролл.

Но речь сейчас не об этом.

А о том, что я уродился полукровкой – половина тела хохлячья, половина коцапська.

А вот кровь у всех одинаково красна. И у русских, и у украинцев, и у метисов, как иногда называют таких, как я.

Впервые я это понял, когда в пятом классе подрался с одним из немногочисленных «щірих українців» в нашем классе, что хаял русским матом моего русского отца и пионерский галстук, который я никак не хотел снимать.

Знатно мы тогда друг другу навалили. Это была первая кровь, пролитая мной на национальной почве. Но в детстве обиды забываются быстро, и через три дня, когда ещё не зажили синяки, мы с Тарасом уже играли в футбол за одну команду.

* * *

По идее, детство на окраине провинциального городка в трудные 90-е должно было меня закалить и сделать пробивным.

Но я был, хоть и способным, но ленивым.

И, окончив школу твёрдым хорошистом, не стал пытаться поступать в институты Киева и Харькова, а выбрал находящийся под боком институт, где ранее учились родители.

А после его окончания также пошёл по пути наименьшего сопротивления – работать на ближайшее производственное предприятие.

Тем более что мой дед – не кто иной, как двоюродный племянник директора завода Александра Сергеевича Бешлыка, один список регалий которого потянет на пару страниц 12-м шрифтом.

В те годы завод возглавлял Будальянц, начинавший при Александре Сергеевиче простым слесарем, так что я, можно сказать, был там блатным.

И всё-таки, даже всесильный Николай Абрамыч не мог сразу устроить вчерашнего студента на престижную непыльную должность. Точнее, не хотел. Руководитель советской закалки был категорически против того, чтобы плодить синекуры. А ещё в отдел информационных технологий был нужен специалист обязательно на постоянной основе, а я мог устроиться только временно – по окончании института про меня вспомнили украинские вооружённые силы.

Так что, пять месяцев пришлось повкалывать простым электриком.

Как заметил мой напарник Санька Седов, признанный остролов и большой любитель фильма «Кин Дза Дза»:

– Ты хотел, чтобы перед тобой сразу «Ку» делали? Цапу покрути, чатланин ты наш!

И я крутил всё, что потребует мастер. Где гаечным ключом, где отвёрткой, где шуруповёртом.

А за несколько дней до увольнения в связи с призывом в армию получил производственную травму. Пытаясь лихо перехватить дрель из руки в руку, я случайно нажал кнопку включения, и сверло оставило на второй руке две поперечные борозды.

У меня от природы раны сильно кровоточат и плохо заживают. Хорошо ещё, что дело было на Донбассе с его сухим климатом. При стопроцентной влажности была бы вообще труба.

В общем, в военкомат я пришёл с живописным шрамом на правом предплечье.

И когда его увидел психиатр, на его лице появилась заинтересованность.

– Вены что ли резал? – задал он мне вопрос, оскорбивший меня не на шутку.

– Производственный травматизм. Я что, похож на идиота?? – вспыхнул я мгновенно.

– Если не цепляешься за законную возможность откосить, то похож, – пошутил доктор со свойственным врачам чёрным юмором.

И направили меня в войска связи ВМФ.

А я и вправду косить особо не хотел.

Да если бы и захотел, взятка за стопроцентную гарантию «белого билета» была неподъёмной, учитывая низкие доходы семьи.

Да и зачем?

Шёл 2003 год. До гражданской войны было, как до Китая пешком. Всё тихо и спокойно. Кучма продолжал по-тихому разворовывать всё, что не успел разворовать Кравчук, и ни с кем не собирался воевать. Так что, я подумал, что лучше прожить один год в казарме, чем пять лет в бегах, и безропотно пошёл топтать плац сапогами. Точнее, флотскими ботинками.

После КМБ в Инкермане я был направлен на захолустную точку в Крымских горах, где процветало ещё большее разгильдяйство, чем в остальной армии самостийной, так что там я почти забыл, как ходить строем.

Мне даже не пришлось особо менять род занятий. И на заводе тянул электрический кабель, и в армии то же самое.

Есть такой армейский стишок про меня: «Мы славные связисты, мы тянем кабеля – работаем мы много, а толку ни фига». А ещё тюремный стишок: «Я от Родины приму: ссылку, каторгу, тюрьму. Но желательно в июле, и желательно в Крыму».

Да уж. В гробу я видал такое удовольствие, в белых тапочках – заниматься физическим трудом, когда 35 градусов в тени при почти стопроцентной влажности из-за моря.

Зато, забравшись на один из высоких горных уступов, можно было разглядеть в любезно одолженный офицерами бинокль, как резвятся на пляже дамочки в купальниках. Вечно полупьяный капитан третьего ранга снисходительно ухмылялся, протягивая нам оптический прибор:

– Что, опять на сиськи пялиться?

А я не решался ответить то, что думаю:

– А что делать, когда тебе чуть за 20 и западаешь на всё, что шевелится?

Впрочем, от попыток закадрить местных жительниц уберёг Господь.

Один сослуживец не удержался – потом лечил в госпитале триппер.

Это я написал не для того, чтобы шокировать благовоспитанных читательниц, а для того, чтобы показать, что украинская армия уже тогда перестала быть армией.

Тогда военные будни казались мне бесконечными. Особенно, в последние дни перед дембелем. А сейчас я понимаю, что они пролетели, как один день. И тот самый дембель таки наступил.

Я не заморачивался с парадной формой, в отличие от некоторых – кончилась служба, ну и славно. Спихнул эту нудную обязанность и забыл. Разве только, выпивая с коллегами, иногда травил армейские байки.

С коллегами всё по тому же заводу. Будальянец сдержал обещание устроить меня в отдел информационных технологий, и почти сразу в моей трудовой книжке появилась гордая запись «Инженер-программист».

Сами мы программы не писали, занимаясь фактически системным администрированием. Был начальник отдела, но его отличало от нас только побольше опыта и формальная матери-

альная ответственность за так называемый «Склад инженерных работ» с материалами и оборудованием. А так, никакого снобизма – все работы трое членов IT-отдела выполняли на равных.

Зарплаты вполне хватало, чтобы не просить у родителей на собственное содержание, а по части жилья отдельная комната в одной квартире с родителями меня устраивала.

Пару-тройку раз я порывался увеличить количество жильцов нашей квартиры за счёт подруг, но ни с одной не срослось. Почему – неважно. Да я это уже почти и не вспоминаю. Дела давно минувших дней – всё бурьяном поросло.

Так могло бы продолжаться до самой войны.

Но в начале девятого года умер Будалянец.

Новое начальство начало править по-новому, в результате чего завод стремительно покатился в тартарары.

И что характерно, вину за это возложили на подчинённых, тут же начав массовое сокращение штата. В первую очередь репрессии, конечно, обрушились на любимчиков прежнего руководства.

Меня не уволили, но понизили в должности. И зарплату в два раза сократили, одновременно увеличив количество обязанностей в те же два раза.

Несколько месяцев я терпел, ибо человеку свойственно надеяться на чудо.

А 15 ноября капнула последняя капля.

Это было воскресенье, когда я пошёл в церковь и там, естественно, отключил телефон.

По выходе же из храма, мою радость от причастия омрачил звонок замдиректора.

Тот крыл меня, на чём свет стоит, перемежая суржик отборными матюгами.

Я был вынужден сломя голову нестись на завод, чтобы выполнить его пустяковое поручение в выходной день.

На следующий день, когда вышел на работу отдел кадров, я тут же подал заявление по собственному желанию.

И прогадал.

Я думал, что сисадмина с пятилетним стажем тут же с руками оторвут, но не тут то было.

В девятом году экономику всех стран СНГ лихорадило, и Украина не стала исключением.

В Лутугино, кроме как на заводе, работы не было от слова совсем. А в Луганске своих безработных хватало, и бедолаги из области были никому не нужны.

Пять месяцев я перебивался частичной занятостью и случайными заработками.

Зима, не тратя времени на весну, ещё до конца апреля сменилась знойным летом.

А мне было всё равно, ибо я медленно тупел от полуголодного существования.

Я уже был готов с горя устроиться кладовщиком-грузчиком в фирму, торгующую стройматериалами в районе Каменного Брода на северной окраине Луганска. Куда добираться к восьми утра двумя автобусами с пересадкой, а зарплата чуть больше минимальной.

И тут аккурат в подарок ко дню рождения мне привалило счастье.

26 апреля мне позвонили из города Шахтёрск, о котором я до этого знал только понаслышке, и пригласили на собеседование через два дня.

Это 86 километров от дома. Каменный Брод с его двумя автобусами нервно курит в коридоре.

Я сел в маршрутку без особых надежд.

Думал отклонить предложение директора той шахты по-быстрому и скорей к друзьям, отмечать 29-летие на последние копейки, оставшиеся с предыдущей халтуры.

Но тот сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться.

Вкратце, дело обстояло так.

Руководство шахт закупило огромную кучу материалов и оборудования, чтобы реализовать амбициозный проект – объединение шахт, разбросанных по Донечине, в единую сеть. В

смысле, компьютерную. Плюс защищённая связь с головным офисом угледобывающей компании в самом Донецке.

А фирма, что продала им всю эту красоту, раскрутив их на крупную партию товара, включила заднюю, когда речь зашла о разработке и реализации техзадания.

Тогда директор шахты стал в пожарном порядке просматривать резюме на всех кадровых сайтах Украины и вышел на меня.

Технологии связи выбираю я. Методы интеграции с существующей инфраструктурой выбираю я. Способ конструктивного исполнения на аппаратном и программном уровне выбираю тоже я.

А что? – подумал я, – снабжение у шахтёров, даже при нынешнем разброде и шатании, вполне на уровне. Никаких проблем с материальным обеспечением, как проекта, так и меня лично. Даже помощников дадут из рабочих, там, где надо работать не головой, а руками.

И я согласился стать руководителем этого проекта.

К вечеру я был уже оформлен по всем нормам трудового законодательства, и уже на следующий день в 9 часов утра был на проходной шахты.

Если встать в 6 часов утра, то в принципе, впритык к 9 часам успевал.

Если уехать до 20 часов, то успевал до полуночи поужинать, помыться и лечь спать.

Точнее, последняя маршрутка уходила с автостанции Шахтёрска в 19:45.

На следующий день, 29 апреля, я взялся за дело с таким рвением, что умудрился опоздать и на эту последнюю маршрутку.

Пришлось брать такси и просить мать расплатиться в конце пути, потому что у меня самого такой крупной суммы при себе не было, да и дома тоже оставалось только на автобусный проезд и питание до первой полочки.

После чего сотрудники шахты показали мне каптёрку, где можно переночевать, если что. Но я пользовался ей лишь в исключительных случаях. Там было настолько грязно, что уж лучше раскошелиться, но добраться до дома.

Продолжились работы и 30 апреля. Это была пятница, и вечером, когда уходил с работы замдиректора, что принимал меня и запомнил по документам мою дату рождения, он пошутил:

– А шо ти до сіх пор тут робишь? Ти вже должен у барі з друзьмі горілку пити.

На что я ответил вполне серьёзно:

– Так завтра ж на работу.

Чем вызвал у него снисходительную ухмылку: мол, новичок выслужиться хочет.

А я и вправду хотел и не обманул его.

Продолжились работы и в субботу первого мая.

Интуиция меня не обманула в том, что я хотел сделать как можно больше как можно скорее.

В первых числах июня началась адская жарища. Как в старинной моряцкой песне: «Товарищ, я вахту не в силах стоять – термометр взлетает аж под сорок пять». В июне десятого года в донецких степях было всего на три градуса меньше.

Трястись полтора часа в переполненной маршрутке, а потом при такой погоде заниматься не только настройкой серверов в помещении с кондиционером, но и монтажом. Врагу своему не пожелаешь.

Но, как ни крути, детство на окраине провинциального райцентра всё-таки повлияло на мою целеустремлённость.

В середине июля проект был сдан в эксплуатацию.

Я переселился в серверную с кондиционером и получил комнату в общежитии для штатных сотрудников. Комната, правда, была без кондиционера. Зато своя.

В конце третьего десятка я наконец-то познал, каково жить одному. Совсем. Где-то раз в месяц я наведывался в Лутугино с родителями повидаться, а остальное время жил в Шахтёрске.

Нет, конечно, в армии я тоже был оторван от родительского дома. Но там хотя бы бесплатно выдавали еду и одежду. А тут пришлось учиться считать деньги самостоятельно. Что мне, в общем-то, удалось неплохо.

Поголодать пришлось лишь однажды, и то не по своей вине. Когда меня поймали местные гопники и надавали по мордасам, попутно облегчив карманы от наличности. Пин-код от кредитки, я, правда, так и не сказал, так что голодать пришлось недолго – до тех пор, пока на неё не поступила очередная зарплата. Только пришлось довольно долго ходить в тёмных очках, прикрывающих фингалы, потому что донецкие гопники оказались злее луганских.

Но на этом, как догадался бы капитан Очевидность, превратности моей судьбы не заканчиваются.

Эта работа мне подвернулась ко дню рождения – следующая оказалась новогодним подарком.

Айтишная тусовка досаточно закрытая и малочисленная. Посему, для нашего брата-сисадмина вся Украина – большая деревня. Даже в трёхмиллионном Киеве и полуторамиллионном Харькове все коллеги друг друга знают, как жители моего провинциального Лутугино или не менее провинциального Шахтёрска.

И 29 декабря 10 года я получил e-mail с предложением по трудоустройству.

Оно и впрямь было заманчиво.

HR крупной всеукраинской IT-компании, который видимо уже на корпоративе что-то принял, написал с юмором: «Хватит пылиться на терриконах – айда к нам на море», предлагая проверить проект, аналогичный выполненному мной. Объединение в единую сеть крымских санаториев под началом этого самого всеукраинского интегратора.

И, устроив в новогоднюю ночь отвальную для сотрудников, что скоро станут бывшими, я снова стал готовиться к переезду.

Глава 3. Путешествие к мечте.

Из-за новогодних праздников оформление несколько затянулось, и в Севастополь я прибыл 13 января 11 года.

Первое, что я увидел, отъехав от вокзала в низине к вершинам гор – это «Воронье гнездо», откуда подглядывал в бинокль на пляж, когда служил в армии.

Вот ведь не думал – не гадал, что я сюда ещё вернусь, и в каком качестве.

Такое дежа вю меня преследовало далеко не единожды – что до, что после.

Например, пробегая по диагонали городские кварталы в Лутугино, чтобы не опоздать в школу, я по непонятным причинам останавливался на минуту и смотрел на окна строго определённого дома. А спустя много лет, уже после армии, оказывалось, что там живёт девушка, с которой у меня году в шестом (или в седьмом?) будет роман.

Да уж. В жизни сюжеты иной раз покруче любого кино. Оно и понятно. Кто режиссёр кино? Человек. А кто режиссёр мировой истории? Сын Человеческий. Вот только иногда не хватает хэппи-эндов, как в кино. Или возможности сохраниться и отыграть назад, как в играх. Хотя, сохранения в мультиплеере технически невозможны.

Впрочем, я забегаю вперёд.

Ну а пока я в Крыму, не знаю, куда деть тяжеловесное зимнее пальто.

На Донбассе 10 градусов, и в Севастополе 10 градусов – только в одном месте с минусом, а в другом с плюсом.

В офис только завтра, так что можно чуть-чуть расслабиться.

Скинув шмотки в гостиничном номере, я пошёл в расположенный рядом ресторанчик итальянской кухни на склоне горы, заказал себе закуску и вино и подумал:

– Ну чем здесь не Италия? А если нет разницы, зачем платить больше?

Крым – чудесное место. Предгорья Севастополя и Ялты напоминают Апеннины, а в глубине полуострова есть виды в нескольких километрах друг от друга, напоминающие Грецию и Кавказ. Всё это ещё сыграет в моей жизни свою роль, о чём я пока пребываю в счастливом неведении. Но не будем гнать лошадей.

Впрочем, задерживаться в начале одиннадцатого года тоже особо не будем.

Полюбовавшись весной в январе, я приступил к делу, которое пошло споро – благо, сказался большой опыт.

Проект я сдал 9 апреля, но отмечать не стал, потому что соблюдал пост.

Только сменил место жительства по этому поводу.

Основные работы проводились в Севастополе, а головной офис санаторно-курортной сети отелей находился в Ялте, где я и снял квартиру. Точнее, небольшой домик в частном секторе.

Так, отставить нездоровые смешки: «О, как морозно в январе, когда удобства во дворе».

Домик вполне цивилизный, с горячей и холодной водой.

Стеновой материал, конечно, не ахти. Я задолбался укреплять стену, чтобы повесить телевизор и смотреть футбол на большом экране. Но в Крыму утеплять здания требуется не так тщательно, как, например, на Донбассе. Только ветер сифонит через щели между стеной и окном. Но другие предложения были значительно дороже. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

И к тому же, все бытовые неудобства с лихвой компенсировались живописнейшим видом на море со склона горы. Да-да, опять толь в толь Италия. Романтик – это даже не мировоззрение, а диагноз. Когда я писал стихи, пытаюсь произвести впечатление на девушек, я подписывался «Последний романтик ушедшего века». Но речь не об этом.

В те времена, в связи с постоянными переездами, мне было просто некогда знакомиться с девушками.

Я искренне надеялся, что этот переезд может стать последним. Как показала практика, эта надежда не оправдалась. Но я опять забегаю вперёд. Лучше остановимся и насладимся видом из окна дома на склоне горы.

В середине мая начальство устроило показушный зачёт по гражданской обороне.

Мне, как назло, выпал билет «Ваши действия при затоплении дома, где вы живёте».

Я написал, чтобы показать нелепость этого мероприятия: «Мой дом находится на высоте 180 метров над уровнем моря. Если море доберётся и туда, то остаётся только садиться на корабль и брать каждой твари по паре».

Принимал зачёт одессит, поэтому юмор оценил и пересдавать не заставил.

А в остальном, размеренно текли всё те же айтишные будни, с той лишь разницей, что я подчинялся не директору, расположенному непосредственно на шахте, а генеральному директору в Киеве, но чаще отчитывался руководителю симферопольского филиала.

Но спокойная жизнь длилась очень недолго. 25 мая мне поручили новый интересный проект, чему я был даже рад, ибо всегда интересовался новыми знаниями.

Так я узнал, что один из крупнейших в мире музыкальных порталов с табулатурами олдскульного англоязычного рока разрабатывается на Украине. Учредитель у него – сорокалетний панкующий хохол Алексей Ситечко (как выяснилось позже – это не кличка, и только близкие друзья могут его дразнить, добавляя к фамилии слово «чайное»).

В середине мая американцы и голландцы взвинтили цену аренды серверов, где располагался этот музыкальный портал, и Ситечко стал искать возможность перенести его содержимое на местные производственные мощности. А у нас как раз были мощные дата-центры в Киеве и

Симферополе. И нам заказали продающий сайт для сети санаториев, что я администрировал. Сисадмины у нас были весьма компетентные, от них же первый есмь аз, а вот веб-разработчиков квалифицированных не хватало. Да и те, что были, не справились бы с этим заданием так хорошо, как команда веб-разработки тех киевских любителей музыки.

В общем, директора перетёрли тему и решили баш на баш – мы предоставляем производственные мощности для портала, а они в свою очередь нам полноценный сайт разрабатывают и поддерживают.

За настройку серверов под музыкальный портал отдуваться пришлось, естественно, нашему крымскому подразделению, то есть мне. С киевским разгильдяем из дата-центра я связывался по удалёнке, а в Симферополь частенько наведывался лично. В связи с чем узнал, как крымские татары, из которых состоит большинство водителей маршруток, проходят горные серпантины со скоростью 80 километров в час. Все грехи не успели промелькнуть по причине их множества, но половина – это точно.

Какой русский не любит быстрой езды?

Но подстраиваться под расписание маршруток в скором времени надоело, и я взял кредит на два года, чтобы купить Мерседес моложе меня всего на десяток лет. В Сбербанке России, потому что уже тогда не доверял украинским банкам. Права я получил ещё в 2008-м, но тогда не решился взять кредит. И правильно – будучи безработным на рубеже девятого-десятого года остался бы и без машины, и без денег, и с долгами.

Но о машине рассказать я ещё успею.

А сейчас хочу рассказать о взаимодействии с киевской веб-студией.

Я зарегистрировался на их закрытом корпоративном портале под ником ptitz (Птиц, как меня звали в школе из-за фамилии. Скрипт аутентификации понимал только ники, написанные латиницей). А моим непосредственным партнёром неожиданно стала очень молодая и очень миловидная девушка. Сначала я думал, что начальником отдела веб-разработки в таком юном возрасте может быть только блатная родственница большого начальника. Но вскоре узнал, что связи тут ни при чём, и у неё действительно талант на грани гениальности.

Фрагмент переписки из корпоративного чата:

Ptitz: Это с тобой, что ли, вести переговоры, какой софт на серваки ставить?

Nata_guitar: Да, а что?

Ptitz: Дочка, тебе 18-то есть? ;)

Nata_guitar: Мне 25, и в ближайшие лет 10 скрывать свой возраст я не собираюсь.

Ptitz: А почему гитара? Играешь или фигура на неё похожа?

Nata_guitar: Поигрываю потихоньку. Недогитарист и недопрограммист в одном лице) А ты почему птица? Летает или залетает? ;)

Ptitz: Фамилия – Соколов. Помни бритву Оккама)

Nata_guitar: Смотри, не порежься ей ;) Если хочешь, можешь и меня звать по институтской кличке – Хиросима.

Ptitz: Не понял.

Nata_guitar: Родилась 26 апреля 1986 года. И в Чернобыле радиоактивное заражение, и в Хиросиме – вот такая параллель. А ещё темперамент, как взрыв ядерный. Так что, со мной не шути.

Ptitz: Даже по поводу очков, что на тебе сейчас и на твоём аватаре в Confluence²? В фейсбуке ава тоже в них? Дай глянуть хоть одним глазком.

Nata_guitar: Накося – выкуси.

Ptitz: Жаль, меня с ранней юности возбуждают девушки в очках.

Nata_guitar: Значит, тебе нравятся умные женщины. Но очки – это не признак большого ума, а только слабого зрения. А будешь клеиться – усложню системные требования.

Pfütz: ОК. Мы и впрямь заболтались. Пора и дела обсудить. Значит, сервер на CentOS не пойдёт из-за того, что в официальном репозитории старая версия PHP, и придётся подключать репозиторий EPEL, но скорей всего компилировать что-то непроверенное из сырцов. Так?»³

Nata_guitar: Верно.

Работа шла до 12 июля, и за это время Наталка свою страницу в фейсбуке мне так и не открыла.

А вечером 12 числа руководитель подразделения в Симферополе вручил мне конверт с наличкой и приказал:

– Поедешь в командировку в Киев.

Я не мог поверить своему счастью. Ведь уже пять лет не видел двоюродного брата, что служит священником в пригороде Киева. Да и с Натали был бы не прочь лично повидаться.

Однако переговоры именно с ней запланированы не были. Я решал чисто организационные вопросы с Ситечко и руководителями пониже, а сотрудница Наталья Бондаренко, как я узнал у кадровика, в эти дни вообще была в отпуске.

Впрочем, разочарование от невозможности встретиться с девушкой, в которую я заочно успел влюбиться, не помешало мне повидаться с братом. Который по совместительству ещё и отец. Отец Виктор Гришук – священник прихода святителя Луки Войно-Ясенецкого в маленьком райцентре Червонохрамск, к северо-западу от Киева. Как раз в честь этого храма и был назван город. В 1992 году Ленинск-Днепровский решили переименовать и, не мудрствуя лукаво над придумыванием названия, вспомнили о главном (и единственном) православном храме города, сделанном из красного кирпича.

В субботу я работал до обеда, воскресенье было выходным, а улетать надо было только в понедельник после обеда, так что я имел возможность засидеться у отца-брата за чашкой чая допоздна и заночевать там.

Когда уже все собирались читать вечернее правило и спать, Витёк (как я фамильярно называл иерея по старой памяти) случайно выронил из кармана непонятный клочок глянцевої бумаги.

Он довольно долго разглядывал его, а потом пожал плечами:

– Всё, что Господь делает – к лучшему. Но зачем мне это? Я и раньше не особо тяжёлую музыку жаловал, а после рукоположения и подавно.

Где взял? – нетерпеливо спросил я, увидев, что это не что иное, как билет на концерт Green Day в воскресенье вечером.

– Не поверишь, выиграл. Никогда не играл в лотерею, а тут свезло. Случайно. Я закупал бытовую технику для приходского дома, и по чекам разыгрывали призы. Мне выпал главный приз – билет на концерт. Если хочешь, бери – я всё равно им не воспользуюсь, как и все мои друзья-клирики.

– Спасибо огромное тебе и твоим друзьям, не любящим панк-музыку. В этот раз Господь сделал к лучшему не тебе, а мне – восторженно чуть ли не прокричал я, торопливо пряча в карман билет на концерт любимой группы.

В общем, в воскресенье утром я слушал церковное пение на литургии, а вечером морально готовился в киевском метро, что скоро услышу добротный рок.

Green Day довольно часто, гастролируя по Восточной Европе, заруливали и в Киев. С этим городом у них связаны особые воспоминания. В 1988 году в Калифорнии произошёл беспрецедентный случай в истории Америки – в кинотеатрах показали советский мультфильм. И к тому же, совместный проект студии «Киевнаучфильм» с Голливудом. Малолетние лоботрясы Билли Джо и Майк пошли полюбопытствовать, как экранизировали «Остров сокровищ» на

русском языке с закадровым английским переводом. И одна из песен, прозвучавших в этом мультике, через 9 лет оказала существенное влияние на мелодию их песни “King for a day”. Из-за чего, в благодарность киевским киношникам, американские звёзды посещали Киев чаще, чем другие столицы Восточной Европы.

Я вошёл в концертный зал уже после времени, когда выступление должно было начаться. Но славяне никогда не начинают концерты вовремя. Музыканты – не славяне, а вот организаторы оказались истинными славянами, и на сцене пока что было пусто.

Я пошёл в бар, чтобы взбодриться перед выходом на танцпол. А там собралась толпа, потому что многие панки и рокеры решили сделать то же самое. Когда наконец-то подошла моя очередь делать заказ у стойки, на сцену под одобрительный ор поклонников выбежали музыканты.

– Текилы, – коротко бросил я, кидая на стойку её стоимость вместе с чаевыми.

Хлопнул сто грамм одним залпом и помчался в гущу событий.

Первую и вторую песню публика ещё раскачивалась, а с третьей начался трэш и угар. Даже с моими габаритами было непросто разглядеть сцену за спинами обладателей высоченных ирокезов, то и дело подпрыгивающих в слэме. Не говоря уже про присутствовавших в зале миниатюрных девиц и немногочисленных детей.

В начале песни “American idiot” я почувствовал, что меня кто-то дёргает за хвост. Нет, не в том месте, что у кошек и собак. Я постригся только перед тем, как вступить в повстанческую армию, а между срочной службой в армии и текущей войной носил длинные волосы.

Это как раз-таки была такая девочка, которой не было видно сцену из-за высоких спин. Она заискивающе улыбалась и похлопывала себя по плечам. Я понял без слов, которые у сцены было невозможно расслышать, присел и позволил ей сесть к себе на плечи.

Сам уже не мог скакать с приличным грузом на спине. А вот она двигалась довольно бурно, не боясь упасть. И частенько позволяла себе постукивать кроссовками по моим бокам, как конник шпорами. Но я стойчески терпел, личным примером доказывая, что и панки могут быть джентльменами.

Я не атлет, поэтому через несколько песен пришлось поумерить свою гордость и признать, что я уже устал. А то мы бы вместе рухнули в толпу.

Мы решили выйти в бар подкрепить силы пивом. Я всё не мог отдышаться и как можно более равнодушным тоном произнёс:

– Сорок килограмм на плечах удержать не могу. Старею.

Девушка рассмеялась:

– Ты мне льстишь безбожно. Рост 160, вес 55.

– Так это же хорошо. Мне всегда нравились девушки, у которых есть за что подержаться.

– Я тебе подержусь!

И тут мы вышли из полумрака перед сценой в ярко освещённый бар и узнали друг друга в лицо.

– Птиц?

– Ната с гитарой?

– Вот так встреча посреди трёхмиллионного муравейника, – не переставал удивляться я, какие увлекательные сюжетные линии подбрасывает мне жизнь, – тоже панк-рок любишь?

– Если саунд качественный, то да. Когда мы переписывались по работе, я включала в колонках Ramones.

– А соседи по кабинету одобряют твоих Ramones?

– Во-первых, у меня отдельный кабинет в кирпичном здании с нормальной звукоизоляцией, а во-вторых большинство нашего коллектива поклонники “Old school of rock”⁴. Ведь основная наша деятельность – музыкальные сайты.

Я заметил, что она одета в джинсовую рубашку и ярко-жёлтые брюки.

– Жёлтые штаны. Два раза «Ку», – пошутил я, чтобы проверить, знает ли она мой любимый фильм «Кин Дза Дза».

– Разрыв шаблона, – улыбнулась Ната, – обычно при знакомстве со мной спрашивают про мою парадную одежду цветов национального флага. Некоторые даже обидно называют «Целка-патриотка».

– А ты не патриотка? – продолжал я на юмористический лад.

– Хорошо, что ты про первый пункт не спросил. Когда в институт поступала, какой-то урод из будущих однокурсников спросил: «Ты целка?» И получил по щам.

– Да ты и впрямь взрывная...

Мы прервали разговор, чтобы дослушать музыку. А вот после концерта наболтались вдоволь.

Но хорошего понемножку, и вскоре мы были уже на станции метро Петровка, а потом городской электричкой ещё быстрее доехали до Троенщины.

На проспекте Маяковского и находилась её девятиэтажка, напротив универса Фестивальный.

Проводы закончились – с минуты на минуту придётся отчаливать.

Я сыпал комплиментами, лихорадочно вертя в голове, какие бы слова подобрать, чтоб она уж наверняка не отказалась продолжить отношения.

Намёками я говорить не особо умею, с детства прямой как стрела, поэтому и сейчас пустился атаковать в лоб:

– Я втрескался в тебя по уши с первого взгляда. Может, не сразу как увидел твоё фото на аватаре в Confluence, но с первого видеозвонка по скайпу точно.

Розовощёкая хохотушка внезапно посерьезнела.

– Андрюшка, не стоит путать деловые отношения и личные. У меня парень есть. Через год он заканчивает севастопольскую военно-морскую академию, и я буду работать с Киевом по удалёнке. Рано радуешься – он будет служить не в Крыму, а в Очакове.

Я почувствовал, как ещё не потемневшее небо стало иссиня-чёрным, а жаркий ветер превратился в ледяной.

Я вышел в большую жизнь, и моя жизнь кончилась.

По пути на станцию электрички я ни разу не оглядывался.

Глава 4. Жизнь не кончена в 31 год.

В общем, в Ялту я возвратился вдребодан. Ещё в Жулянах так начал пить, что в Симферополе еле вышел из самолёта.

Но, как человек взрослый, постепенно я сумел поставить коллективные интересы выше личных. Через два дня привёл себя в порядок и с ещё большим рвением стал работать на фирму. А ещё через два набрался мужества возобновить диалог с Натой, и мы пришли к выводу, что в наших обоюдных интересах поддерживать ровные отношения сотрудничества.

Что я и делал до 17 сентября. Потом начальство наших фирм потеряло интерес друг к другу, и вынужденное общение прекратилось.

Я даже не испытывал любопытства, как она там поживает в многоэтажке на северо-восточной окраине столицы, когда сидел у своего окна с видом на Чёрное море долгими осенними вечерами.

Впрочем, у меня становилось всё меньше и меньше вечеров, когда мне выпадало скучать. Я, похоже, закрепился на Южном Берегу Крыма всерьёз и надолго. По крайней мере, мне хотелось в это верить. И соответственно, начал потихоньку обрастать на новом месте новыми друзьями. Но и старых с Донбасса не забывал.

И если с донбасскими пацанами я общался, в основном, через фейсбук, то в Крыму старался не упускать возможности развеяться на частых в курортных городах развлекательных мероприятиях.

Проведав родителей на новый год, я возвращался домой поездом Луганск – Севастополь. Немного народу ездит в Крым зимой. В своём купе я был один. Короткий день успел догореть ещё до отправления поезда, и уже после Алчевска за окном опустилась непроглядная тьма.

Несмотря на обилие занятий, как на работе, так и на отдыхе, на меня периодически нападала нелогичная тоска. А впрочем, очень даже логичная.

Нехорошо человеку быть одному. Я, как почти стопроцентный экстраверт, легко заводил новые знакомства и общался с людьми. Но ни к кому, пожалуй, кроме родителей, не привязывался достаточно близко.

Первые дни нового года – время подводить итоги минувшего и строить планы на будущее.

Казалось бы, живи и радуйся жизни. Дела медленно, но верно идут в гору, напоминая дорогу на Ай-Петри. Материальное положение, несмотря на кредит, довольно стабильно. Даже щели в доме заделал осенью, так что и зимние шторма не приносят мне дискомфорта.

А счастья нет. Город Счастье есть, километрах в тридцати от родительского дома, а я лично такового не чувствую ни с большой, ни даже с маленькой буквы.

В такие моменты я вспоминаю слова святителя Тихона Задонского о Боге: «Идеже Ты, тамо потребляется всякая печаль. Идеже несть тебе, тамо всякая радость суетна». И возвратившись домой, я решил исполнить давно задуманное и на Рождество наконец-то посетить Свято-Успенский монастырь в Бахчисарае.

Бахчисарайский монастырь бесподобно красив. Летом его виды не отличить от фотографий с Афона. Но зимой он гораздо меньше напоминал святую гору, потому что в Греции не бывает снега.

Я ещё не очень хорошо водил автомобиль, и гололёд в горах заставил меня ехать медленнее. Так что, я чуть не нарушил собственный принцип не опаздывать к началу богослужения. Припарковавшись у края пешеходной зоны, я пошёл почти строевым шагом, так что даже вспотел.

Сдёргивая по пути шляпу, я застучал по вырубленным в скале ступеням, с твёрдым намерением даже не войти, а влететь в пещерный храм. Как вдруг на узком лестничном пролёте мне преградил дорогу нищий, прося подавание. Я не роскошествовал, но и не бедствовал, поэтому мог себе позволить отсыпать ему не только мелочь, но и положить в чумазую ручонку бумажные купюры.

Тем более, он привлёк моё внимание неожиданным способом:

– Дай на покушать – стишок расскажу.

– Валяй, – равнодушно ответил я, надеясь, что он не задумается, вспоминая рифму, и я смогу как можно скорее продолжить путь.

Тот и вправду выпалил без запинки:

*Любовь бежит от тех,
Кто гонится за нею,
А к тем, кто прочь спешит,
Кидается на шею.*

Я не придавал значения тому, что попрошайка в заштатном городишке цитирует перевод Шекспира. Мало ли, какие бывают спившиеся интеллигенты.

От прикосновения к вечному мой ум постепенно стал светлеть.

Я уже не чувствовал себя ходячим мертвецом, ненужным и бесполезным.

Ведь в сущности, моя работа приносит много пользы многим людям.

Где-то далеко меня искренне любят отец и мать.

Даже встречи с бомжами у храмов – уже повод благодарить Бога. За то, что если я не имею возможности делать большое добро, то Он посылает мне возможность делать хотя бы малое.

И я решил, что так, пожалуй, и буду жить. Не стремиться к каким-либо сверхчеловеческим достижениям, а довольствоваться малым. Стараться никого не обременять, и тем более, никому не делать зла. А если устану от жизни, утешаться тем, что мы в этом мире временно. Ведь и вправду, рано или поздно меня настигнет естественная смерть, да будет воля Господня.

С таким настроем я миновал Великий пост.

Крымчане отпраздновали Пасху, и я вместе со многими из них посетил монастырь второй раз.

Туристы радовались тому, что по весне открываются горные перевалы. А самые смелые из них рискнули открыть и купальный сезон, хотя вода в море была совсем ещё ледяная.

В первую неделю после Пасхи сотрудники стали выведывать у меня намёками, собираюсь ли я справлять очередной день рождения с родителями или останусь дома.

Сейчас я больше ценю родителей. А тогда мне не хотелось сидеть за праздничным столом со стариками – гораздо сильнее хотелось оторваться в компании таких же молодых гуляк.

Через неделю мы с тремя коллегами, с которыми установились приятельские отношения, спорили, куда податься в день праздника. Который как раз выпадал на субботу. С утра выпил – целый день свободен.

Ребята хотели отдохнуть излюбленным способом. Взять трёхлитровую банку домашнего вина и поваляться на пляже. Благо, солнце уже припекало ощутимо. Я возражал, что уже открыл купальный сезон в прошлую субботу, и теперь мне интереснее поход вглубь полуострова.

Сопротивлялись они недолго, ибо против живописных горных видов никто принципиальных возражений не имел. Единственное неудобство – расписание маршруток до Бахчисарая. То есть, надо было ехать на машине. Но нашёлся непьющий Толик Пономарёв, избавивший именинника от необходимости оставаться трезвым.

За окном мелькали предгорья. Товарищи не уставали меня поздравлять с новым годом. С новым годом моей жизни. Толян сделал мне обалденный подарок. Где-то с месяц назад я намекнул, что в моей фонотеке очень много песен, но одну я выловить в интернете не могу. Это была мелодия, что в стародавние студенческие годы мелькала в телерекламе только что появившегося процессора «Pentium 4». Я мог напеть мелодию, но никто не мог ответить мне имя автора и название песни. А он нашёл, через какие зацепки её отыскать, и сейчас она играла в салоне.

Песня, как назло, о молодости и беззаботности:

We are young, we run green,

Keep our teeth nice and clean,

See our friends, see the sights, feel alright,

We wake up, we go out, smoke a fag,

Put it out, see our friends,

See the sights, feel alright⁵.

А я чувствовал, как никогда, что сегодня стал на целый год старей.

Выйдя из машины с начатой бутылкой в руках и целой в сумке, мы проследовали мусульманское кладбище, что усилило мою склонность к чёрному юмору.

И, постепенно приканчивая выпивку и закуску, стали искать вход в пещерный город Чуфут-Кале.

Ром уже взялся за дело и, вспоминая крылатую фразу, я нарочито перепутал порядок слов, вызвав дружный смех приятелей:

– Жизнь проходит, а дерево не построил, дом не родил, сына не посадил.

Ещё одна бутылка полетела с обрыва, а тропинка стала совсем узкой и пошла в никуда.

Вспомнилась старая пародия на старую песню: «Куда ты, тропинка... Тропинка, ты куда?»

В общем, хоть разум уже был малость замутнён, мы поняли, что надо разделиться. Заблудиться не заблудимся – телефоны-то есть у всех, а то, что мы – исследователи по натуре, подсказывало нам сфотографировать побольше пещер изнутри и снаружи. Да и отлить бы не мешало – несмотря на отсутствие народа в горах, давний рефлекс заставлял искать укромные места.

Я забрался выше всех – у входа в эту пещеру над уровнем моря было, наверно, метров шестьсот.

В дальнем углу бил родник, сливавшийся по склону блестящим ручейком.

Попив холодной и вкусной родниковой воды, я стал освобождать организм от жидкостей, выпитых ранее.

Гадить прямо в родник, конечно, не стал, пристроившись делать своё грязное дело в углу поближе.

Едва успев застегнуть ширинку, ещё стоя спиной к выходу, я интуитивно почувствовал, что не один.

И не обманулся.

Через секунду над моим ухом прочирикало звонкое сопрано:

– Нарушаем общественный порядок, молодой человек?

Я оглянулся и остолбенел, не поверив увиденному в лучах света, заливавших вход в пещеру. Я скорей бы поверил, что на склоне соседней горы пасутся кентавры.

– Хиросима, – только и смог произнести я тихим растерянным тоном.

– Птица-Сokol, – удивилась она не меньше моего.

В следующий миг я вспомнил все обстоятельства, при которых закончилось наше первое и последнее свидание и, попытавшись придать голосу побольше цинизма, спросил с деланным равнодушием:

– Как дела – пока не родила?

– Было бы от кого.

– А как же бравый курсант, который через два месяца станет лейтенантом и будет служить в Очакове?

– Да пошёл он... куда Макар телят не гонял. Пьянь! Раз продинамил свидание из-за запоя, два продинамил свидание из-за запоя. Потом я сама к нему пришла. И что же он? Пил пиво, жрал водку и блевал прямо на ковёр. Я пыталась действовать лаской, уговорами, угрозами... Последней каплей стало, когда мы договорились пойти в собор на Пасху. Захожу я к нему в общежитие, а он лыка не вяжет. Не, ну ты прикинь! До окончания поста оставалось всего несколько часов, и после службы надирайся хоть як поросся – не дотерпел. Не люблю слабых и безвольных людей. Пусть теперь другой дурочке мозги компостирует – такой, что поверит, будто бы он ради неё остепенится.

Во мне разом появились радость и страх – радость, что Ната с недавнего времени свободна, и страх, что я сам уже заметно выпивши, и как только она увидит мои глаза в кучу, её гнев с такой же силой обрушится на меня самого.

Она, между тем продолжала:

– Нет, я конечно не сторонница профессора Жданова. Могу попить шампанского с подружками, могу коньяком на корпоративе оторваться. Но когда каждую ночь с пятницы на понедельник на рогах – это уже перебор.

Когда обстановка накаляется, меня не раз выручали попытки разрядить её шуткой:

– Как видишь, я тоже не сторонник полного воздержания. Хочешь глотнуть из моей фляги? Обожаю, как подданные красотки мило хихикают.

– В день рождения можно, – примирительно улыбнулась она.

– Ничего себе память девичья, – удивился я, припоминая, что обмолвился о дате рождения всего пару раз.

И чтобы окончательно замять неприятную для Наты тему, решил радикально её сменить:

– Ну а в Крым-то каким ветром?

– Северным, – спокойно ответила она, и после некоторой паузы добавила, – а если серьёзно, я стараюсь проводить каждый отпуск у мамы. Она живёт в одном селе...

– А село-то, наверно, по законам жанра называется Соколиное, – я всё ещё был настроен на юмористический лад.

– Нет, поближе к Симферополю, с не менее романтичным названием Каштановое.

Тут она посмотрела на свои часы и занервничала:

– Автобус уходит. Ты хочешь проводить меня домой – прости, но мне в другую сторону.

Я лихорадочно размышлял, требовать ли её номер телефона в ультимативной форме или покорно дожидаться, пока она сама его не продиктует.

Но она меня перехитрила:

– Приходи завтра в это же место около 9 часов утра. Будешь?

– В 9 утра? В выходной день?? Ехать 85 километров???... Буду.

Когда я вернулся на парковку у подножья горы, в машине меня уже в полном составе ждали друзья. По-видимому, все, кроме водителя, добавили. Мой приход ознаменовался бурной реакцией:

– Ты где был? Пиво пил?

На что я ответил блаженной улыбкой и с придыханием произнёс:

– Жизнь не кончена в 31 год.

А усевшись в машину, дополнил:

– И.... Это... Мне больше не наливайте.

– Ого! – присвистнули ребята, и мы поехали.

Парни высадились у бара продолжать банкет, а мы с непьющим Толиком разошлись по домам.

Переступив порог дома, я сразу принял крепкий кофе и холодный душ, так что ранним утром чувствовал себя вполне удовлетворительно. Слава Богу, меня ни разу не останавливали сотрудники службы с говорящим названием «ДАИ», а то пришлось бы давать, и очень много. Алкотестер вполне мог показать незначительные остаточные явления. Но по субъективным ощущениям я вёл машину вполне уверенно, и припарковался там же, где мы парковались вчера, задолго до назначенного часа.

Я не отличаюсь пунктуальностью, и если начинаю пытаться успеть минута в минуту, то, как правило, опаздываю. Поэтому предпочитаю приходить раньше, хоть ждать и не люблю.

Сверху горные тропы просматривались довольно далеко, и с моим идеальным зрением было нетрудно заметить одинокую человеческую фигуру. Я довольно долго любовался её приближением, но так и не успел придумать, какую первую фразу сказать после приветствия.

Я легко строил беседу, но затруднялся подбирать, с чего начать. Поэтому не придумал ничего лучше, чем отталкиваться от вчерашнего дня:

– Сегодня ты не застала меня с поличным за хулиганством. Я уже раньше сходил... И, да, сегодня я трезвый...

Эту фразу я оборвал на полуслове, сообразив, что на первом свидании рановато бросаться громкими фразами, такими как «Я пьян исключительно от любви».

– Но почему, всё-таки, в такую рань? – не удержался я от с недавнего меня любопытства. Ты жаворонок? А я-то думал, все айтишники совы, от них же первый есмь аз.

– Мама уезжает на работу в смену на первом автобусе в 6:30 утра, а у меня нет ключей от дома. И я страшно не люблю ждать просто так. Теперь твоя очередь порезаться бритвой Оккама.

– Я тоже считаю, что ждать и догонять хуже всего, но очень часто именно это и делаю.

Мы не стали задерживаться в пещере и пошли, куда глаза глядят. На узких тропинках мог пройти по ширине лишь один человек, и я по традиции пропустил вперёд даму.

Солнце было ещё не очень высоко, и пока мы шли промеж горных склонов, оно то появлялось, то исчезало из нашего поля зрения. Пешие тропы в крымских горах – это семь загибов на версту, поэтому рано или поздно мы повернули на юго-восток. Глядя на попутчицу сзади против солнца, я заметил, что его лучи такого же цвета, как её огненно-рыжие волосы, и кажутся естественным продолжением её шевелюры, колеблемой ветром.

Я никогда не отличался сдержанностью, и сейчас у меня вырвалось непроизвольное:

– Вау!

– Любуешься втихаря, как я выписываю бёдрами восьмёрки? – обернулась она на мой возглас.

Что ж, каждый понимает в меру своей испорченности.

– Восьмёрки? – попытался я сгладить неловкий момент, – да будет тебе известно, как закончившей факультет прикладной математики, что восьмёрка, повернутая на «пи» пополам – это знак бесконечности. Значит, ты бесконечно привлекательна.

Цель была достигнута. Она звонко смеялась, характерно запрокинув голову:

– Почему-то все думают, что девушки тренируют такую походку, танцуя самбу. А на самом деле, это всего лишь естественное строение женского скелета.

– Всё равно красиво. Как и всё остальное в тебе.

Я не знал заранее, кто первый осмелится вызвать друг друга на откровенность – она или я.

Когда мы остановились передохнуть и перекусить, она спросила:

– А что тебя зацепило во мне сильнее всего?

Я ответил, не задумываясь:

– То, что такой прелестный цветочек имеет IQ выше роста и умеет программировать на нескольких языках.

– А я думала, ты скажешь про мои рыжие волосы.

– Ты не рыжая, ты золотая.

– Нет, золотая была моя мама до того, как поседела. А я рыжая... бесстыжая.

– А ты во мне хоть что-то положительное выделить можешь?

– Ну, хотя бы то, что ты отличаешь Теда Ньюджента от Рода Арджента. О музыке я могу говорить часами, но никто из парней, что за мной ухлёстывать пытались, не мог поддержать этот разговор.... А ещё твоя восхитительная ямочка на подбородке. Девочки, наверно, от неё в восторге.

– Ты, вообще-то, первая, обратившая на это внимание.

Мы выбрали оставшийся от еды мусор, взяли за руки и пошли дальше за солнцем.

Следующие пять дней были самыми счастливыми в моей жизни. Таких, как они, никогда не было до этого и теперь уже точно никогда не будет после.

После работы я ехал не домой, а петлял сотню километров по горным дорогам, и был у не приметного сельского домика примерно перед закатом.

Поскольку в сельской местности напряжённость и с кинотеатрами, и с интернетом, я прихватывал на флешке какой-нибудь интересный фильм, который мы вместе смотрели на её ноут-

буке. Примерно на время кино аккумулятора ноутбука и хватало. А когда на нём заканчивался заряд, мы брали гитару и выходили во двор, чтобы на ней поиграть по очереди. Не столько ради свежего воздуха, как из-за того, что наташина мама рано ложилась спать, и мы не хотели мешать ей. Ну и из-за свежего вечернего воздуха тоже.

Я много узнал о ней на той скамейке под дубом, что посадил её дед около полувека назад.

Например, то, что её родители в разводе. Она живёт и работает в Киеве, где её отец имеет собственный бизнес. Но к желанию дочери видаться с матерью относится адекватно и не возражает против того, что она проводит каждый ежегодный отпуск в Крыму уже 4 года.

Я спросил, зачем ей работать, если отец богат.

А она ответила, что предпочитает ни от кого не зависеть.

И добавила, что особенно выразительно смотрелось в сочетании с её любимым жовто-блакитным костюмом:

– Я сама як рідна Україна. Молода, красива, православна, незалежна и безбашенна.

И она имела на это право. Мать русская, но отец-то украинец.

Я обрадовался, как радовался, подмечая всё общее, что у нас есть:

– Так ты тоже метиска? Только наоборот. У меня мать хохлушка, батя – коцап.

А она рассмеялась:

– Ха-ха, метиска! Это индейские полукровки в Мексике. А ты и сам зажигательный, как мексиканец.

– А ты вообще русская Джоан Баез.

– И русская, и украинская, – ответила Ната и сыграла песню этой самой Джоан, на радостях от комплимента сумев весьма правдоподобно изобразить её голос.

А потом продолжила рассказывать о восхождении по карьерной лестнице.

Программированием она увлеклась ещё в институте.

И на последних двух курсах уже занималась фрилансом, что позволяло не просить у папы на платья. А как защитилась, так и на постоянную работу взяли, то есть в этой музыкальной IT-компании она уже довольно давно.

С квартирным вопросом, правда, отец всё же помог, подарив в честь красного диплома «двушку» на окраине Киева, где она и жила в гордом одиночестве, как и я на съёмной хате в Ялте.

Я начал комплексовать, ибо сам так и не сумел до защиты диплома устроиться на постоянную работу – только разовыми халтурами подрабатывал. И восхищаться, какая рядом со мной *mademoiselle emansipe*⁶.

Но я оказался прав, считая, что чем женщина больше стремится казаться сильной, тем больше ей на самом деле хочется побыть слабой.

В один из этих вечеров Наташа рассказала мне историю из давнего прошлого, до сих пор заставляющую её плакать:

– Когда мне было 14 лет, батя взял меня с собой браконьерствовать птиц с лодки под Днепропетровском. Он бил из ружья без промаха. И падали лебеди, подстреленные на взлёте. Он улыбался до ушей от охватившего его мальчишеского азарта. А я редела в три ручья. Мне так было жалко лебедей. Когда они объединяются в пару и сближают шеи в форме латинской буквы S, получается фигура, образующая сердце. А если один из лебедей в паре гибнет, второй чахнет и умирает. Разве можно их убивать? Тем более, на взлёте, когда они только-только начинают подъём в небо! Я тогда с юношеским максимализмом чуть не вступила в Гринпис. Правда, передумала. Но на охоту меня лучше не приглашать – могу ответить матом. Разве что на «тихую охоту». Грибы люблю – и есть, и собирать, и даже готовить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.